

МЕХАНИЗМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРОЙ

DOI: 10.19181/sntp.2022.4.1.1

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

Черныш Михаил Федорович¹

¹Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН,
Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждаются некоторые проблемы рецензирования в современной российской науке. Выявлены два основных типа рецензирования – вертикальное и горизонтальное. В первом случае рецензирование осуществляется вышестоящими, руководящими инстанциями и прежде всего государственными регуляторами научной деятельности. Во втором случае речь идёт о горизонтальном рецензировании, которое, как правило, производится самими учёными. Новые практики рецензирования, имевшие распространение в российской науке до начала реформ, накладываются в настоящее время на требования государства внедрять практики рецензирования, принятые в развитых странах. Смещение двух типов рецензирования – вертикального и горизонтального – рождает специфичные для российской науки формы регуляции и саморегуляции. На них сказывается, кроме всего прочего, и то состояние, в котором находится российская наука в настоящее время, проблемы, связанные с её воспроизводством, вызванные ограничениями финансирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

горизонтальное рецензирование, вертикальное рецензирование, государственное регулирование, индекс Хирша, системы индексирования научных публикаций, «Республика писем»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Черныш М. Ф. Рецензирование в современной российской науке // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 1. С. 18–39.

DOI: 10.19181/sntp.2022.4.1.1

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ: ПОКАЗАТЕЛИ В НАУЧНЫХ ФОНДАХ

В настоящее время российская наука сталкивается с рядом серьёзных рукотворных вызовов, имеющих основание в тех процессах, которые были запущены её реформированием начиная с 1991 года. В какой-то момент в прессе или из уст руководства министерств и более высоких ведомств стали звучать сомнения в результативности российской науки, в её способности проводить исследования на высоком уровне. Не случайно в анкетах, которые предлагалось использовать рецензентам, оценивающим заявки на грант в ведущих научных фондах, появился такой критерий, как «соответствие мировому уровню». При этом, что такое «мировой уровень» и как можно ему соответствовать, если проводимое исследование носит уникальный характер, ничего не говорилось ни на уровне фондов, ни на уровне научных учреждений. Сам критерий в том виде, в котором он заявлен в анкетах, выглядел в высшей степени сомнительно: в мировой науке представлены учёные разных стран, проводящие исследования разного уровня. Логично предположить, что разработчики критерия, говоря о мировом уровне, подразумевали исследования, которые проводятся в государствах с самой передовой наукой – в странах Европы, США, а теперь уже и в Китае, но и здесь всё не так однозначно. В самых развитых, сильных, с точки зрения науки, странах не все исследования отличает высокий уровень и далеко не все из них заканчиваются выдающимися результатами.

Не менее сомнительным выглядит в анкетах фондов или иных организаций, распределяющих деньги на исследования, и такой пункт как «ожидаемые результаты». Те, кто вставлял этот пункт в анкеты, исходили из сугубо бюрократической логики, которая диктует максимальную отдачу от денег, вкладываемых в любой проект. Добавляя этот пункт, бюрократический регулятор стремился обезопасить себя от возможного провала, от отрицательного результата, который может бросить тень на тех, кто принял решение о выделении финансирования. В этом случае логика регулятора научной деятельности вступает в явное противоречие с самой сущностью научного процесса, с его ориентацией на поиск с непредсказуемым результатом. Если бы каждое исследование заканчивалось блестящими достижениями, то это, безусловно, оправдывало бы инвестиции в науку, но такая результативность невозможна в принципе. Исследования, которые в самом начале подаются большие надежды, нередко приносят отрицательные результаты, а гипотезы, которые выдвигаются на самом «романтическом», начальном этапе подготовки проекта, нередко не получают подтверждения. Однако подобный исход не даёт повода для того, чтобы карать учёных, якобы не справившихся с поставленными задачами, или лишать науку финансирования. Необходимо принять как непреложное правило то, что учёный имеет право на отрицательный результат и его получение – это тоже шаг вперёд на пути познания.

Как правило, когда в анкету, оценивающую проект, вставляется пункт об ожидаемых результатах, подразумевается, что эти результаты будут практическими, тактильно осязаемыми. Именно так регулятор старается преодолеть то состояние неопределённости, которое сокрыто в самом основании науки, – задать критерии, которые можно потрогать, пощупать, подсчитать. Между тем, далеко не все результаты можно представить в подобной форме, выдать как однозначное доказательство какой-либо из выдвинутых гипотез. Науке в целом, но в особенности науке общественной свойственна амбивалентность, означающая некоторое изменчивое состояние, возникающее как результат взаимодействия конкретных обстоятельств, в которых изучается объект. Лазарсфельд подчёркивал это качество тогда, когда рассуждал о так называемой банальности результата в общественной науке [1]. И, действительно, разве не естественно предположить, что выходцы из бедных семей, поступив на армейскую службу, будут тянуться изо всех сил для того, чтобы получить повышение. Но не менее оправдано и то, что выходец из бедной семьи более, чем выходец из семьи благополучной, склонен к девиациям, нарушению армейской дисциплины, желанию уклониться от выполнения важных для солдата обязанностей. Так как же в подобном случае следует охарактеризовать ожидаемый результат исследования? Ожидаемо – какой бы результат ни был получен, он всё равно будет выглядеть тривиальным с точки зрения здравого смысла, обладающего способностью представить кофабуляции любого возможного исхода: мы, мол, это и так знали, ничего удивительного.

К требованиям охарактеризовать ожидаемый результат соискатели гранта уже более или менее приспособились. В этом разделе пишутся, как правило, условные фразы и слова, призванные успокоить возможных рецензентов, имитировать уверенность исследователя в том, что он знает, что делает, и в любом случае получит тот результат, посредством которого можно будет отчитаться.

В анкетах, которые используются для оценки грантов, присутствуют и другие пункты, которые вызывают сомнения. Речь идёт о тех разделах, где предлагается оценить квалификацию исполнителей. Одно дело, если исполнитель известен, если он имеет официальные регалии и статусные позиции, другое – если он молод и не успел утвердить себя в науке, если у него есть несколько проходных публикаций, рецензентам неизвестных. В этом случае многое зависит от общей установки рецензента, от его отношения к научному процессу и его субъектам. Это отношение может иметь в основании общую установку на поощрение науки в любых, пусть даже первичных формах. Она подразумевает и деятельную компоненту, нацеленную на расширение познания, воспроизводство научных кадров, воспроизводство науки как таковой. Однако иногда установки, которыми руководствуется рецензент, внутренне противоречивы. Деятельностная компонента вступает в противоречие с компонентой аффективной, подразумевающей личную эмпатию или антипатию. Эти привходящие критерии оценки особенно сильны в тех случаях, когда рецензент и рецензируемые знают друг друга, имеют опыт общения друг с другом, работали вместе в уже завершённых проектах.

Чем меньше поле науки, тем чаще исследователи вступают в контакт друг с другом, тем больше у них накопленный неформальный опыт общения. Речь идёт не только о науке в целом, но и об отдельных её дисциплинах или отдельных аспектах какой-либо темы. Чем локальнее тема, чем меньше исследователей занимаются ею, тем больше вероятность того, что они знают друг друга и привносят в оценку исследования на этапе заявки личное отношение к заявителю. Так, например, учёные-гуманитарии, занимающиеся редкими языками, могут доверять (или не доверять) в профессиональном плане всего нескольким коллегам, которые действительно разбираются в нюансах заявленной темы. Тем, кто не имеет подобных знаний, оценивать заявку или журнальную статью затруднительно, а иногда и просто невозможно.

Тем не менее процедура оценки необходима, к ней привлекаются те специалисты, которые по формальным признакам с ней соприкасаются, и, следовательно, по мысли управленцев, имеют квалификацию, необходимую для оценки. В этой точке возникает опасность конфликта, вытекающего из прочтения заявки специалистом общего плана, и того понимания темы, которая есть у того, кто занимается ею профессионально, на протяжении многих лет.

ВЕРТИКАЛЬНОЕ РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

Конфликт между общими формальными критериями и частной проблематикой существует и тогда, когда работа учёного оценивается на институциональном уровне. В этом случае многое определяется тем, что можно охарактеризовать как режим оценивания. Как правило, он предполагает утвердившиеся, институционально подтверждённые представления об уровне автономии исследователя, его квалификации, возможностях использования в процедуре ресурсов научной среды.

В режиме оценивания присутствуют в разных масштабах две конфликтующие между собой стратегии – стратегия вертикального оценивания на основании формальных признаков и стратегия доверия (горизонтальное оценивание), предполагающая активное задействование профессиональной среды. Вертикальное оценивание осуществляется регулятором – министерством или другим специальным ведомством – на основании формализованных критериев. Речь в этом случае может идти только о самых общих цифровых показателях, о данных, которые пригодны для расчётов. В современных российских практиках прямого оценивания в качестве таковых фигурируют индекс Хирша и количество публикаций в авторитетных журналах, как правило, зарубежных. Принцип, на котором построен индекс, предполагает учёт количества статей и количества цитирований, приходящихся на каждую из них. Результат работы учёного признаётся положительным в том случае, если: а) у него много статей и каждая из них имеет множество цитирований; б) немного статей, но при этом множество цитирований; в) много статей, каждая из которых имеет ограниченное число цитирований, которое всё же больше единицы. Создатель индекса – американский физик арген-

тинского происхождения Хорхе Хирш – изначально подобное «иерархизирующее» применение индекса Хирша в рамках бюрократической процедуры не предусматривал. Назначение индекса виделось ему лишь в том, чтобы примерно представлять себе, какова публикационная отдача учёных, исследовательских коллективов или даже стран без притязаний на общую оценку эффективности научной деятельности.

Недостатки индекса серьёзны, и сам его создатель отлично понимал, что отождествлять индекс с научной продуктивностью не только ошибочно, но и опасно. Во-первых, индекс обладает свойством поощрять исследователей, которые уже обрели имя, имеют высокий статус в научном сообществе и являются в некотором смысле его «столпами». Как правило, в этой категории находятся исследователи старшего возраста, занимающие в научном сообществе центральную позицию, становящиеся с возрастом своего рода «хабом», стягивающим сеть горизонтальных связей и обеспечивающим её воспроизводство. В то же время молодые учёные в силу возраста и отсутствия авторитетности рассчитывать на экстенсивное цитирование не могут. И это при том, что в естественных науках и тем более в физике открытия, новые оригинальные идеи продуцируются, как правило, учёными до 30 лет. Должно пройти время, прежде чем эти идеи получают признание, а те, кто их предложил, те, кто сделал открытие, войдут в элитный слой ведущих и, следовательно, широко цитируемых учёных. Статус учёного и его научная продуктивность находятся в разных временных измерениях: с возрастом научный потенциал учёного снижается, а статус, напротив, имеет тенденцию к росту. Разумеется, отмеченная зависимость хотя и существует, не имеет универсального характера. В научной среде случается, что учёные в старшем возрасте мыслят продуктивнее, оригинальнее, чем молодые, а молодые учёные, прошедшие школу ЕГЭ, оказываются не способными генерировать что-то новое и, что немаловажно, не хотят испытывать себя, идя новыми непроторенными путями.

Индекс Хирша находится в зависимости не только от возраста, но и от размеров сообщества в той тематике, по которой производится рецензия. Если дисциплина имеет широкое поле деятельности, то велико и число тех, кого можно вовлечь в процедуру рецензирования. Если же сообщество специалистов, работающих по теме публикации, невелико, то и количество цитирований будет иметь физический предел. В настоящее время с этой проблемой сталкиваются многие научные журналы, практикующие двойное рецензирование. По многим тематикам рецензенты не находятся, а если они всё-таки есть, то, как правило, перегружены рецензированием до того предела, за которым ещё одно обращение к ним становится неэтичным. Сужение размеров научных сообществ сказывается и на процессе воспроизводства кадров. Дело дошло до того, что по некоторым специальностям стало сложно находить официальных оппонентов кандидатских или докторских диссертаций. Даже если специалист и работает по тематике, близкой к той работе, которая защищается, это не значит, что у него имеются по ней пять значимых публикаций за последние три года.

Хирш обнаружил ещё одну особенность индекса, которая затрудняет его универсальное применение. В разных научных дисциплинах показатели на-

учной продуктивности, измеряемые индексом, могут различаться в широких пределах. Во многих случаях эти различия обусловлены разной природой и востребованностью знания. Математика и естественные науки формируют пространство обмена знаниями, которое с известной долей условности можно определить как глобальное, как «Республику WoS», «граждане» которой говорят примерно на одном и том же языке, привержены общему методу научного исследования и общей этике взаимодействия, свободной, если не вмешивается третья сторона, от культурных предрассудков или политических пристрастий. Однако даже в этой свободной, казалось бы, от привходящих влияний среде выстроилась собственная иерархия, в основе которой лежит уровень финансирования науки на национальном уровне, количество действующих учёных и престиж.

Российский исследователь В. В. Богатов отмечает: «В период с 1993 по 2003 год по числу журнальных научных публикаций первое место в этот период прочно занимали США (2616 тыс. публикаций). При этом надо помнить, что в SCI около половины учтённых мировых журналов составляют американские издания. На втором месте была Великобритания (711 тыс. публикаций), на третьем – Япония (686 тыс.), на четвёртом – Германия (632 тыс. публикаций). Россия в этом ряду занимала 8-е место (277 тыс. статей), а по общему числу ссылок на статьи – 14-е (по уточнённым данным, Россия по общему числу ссылок занимала 15-е место). В этом плане поражает необычайно высокая эффективность работы российских учёных, которые при ничтожно низком объёме финансирования смогли добиться столь значительных результатов. Приведённые данные показывали, что, несмотря на тяжелейшее финансовое положение, наука в России продемонстрировала воистину героическую живучесть» [2, с. 151]. Как следует из приведённых цифр, в этой иерархии на первых местах находятся американские и английские издания, которые, как и должно, размещают публикации прежде всего своих учёных. И это не только потому, что большинство англосаксонских издателей свято верят в превосходство своей науки над наукой периферийной, исходящей из небогатых стран третьего мира, к которым относится в настоящее время и Россия. Играет роль и то, что к настоящему времени именно английский язык стал подлинным *lingua franca* современной науки. Учёный, работающий за границей англосаксонского мира, может рассчитывать опубликоваться в американском или английском издании только в том случае, если напишет статью на хорошем английском языке или закажет её (при наличии достаточных доходов) хорошему переводчику, знакомому с научной дисциплиной. В этой ситуации все исследователи, работающие за рамками американо-английской науки, оказываются в заведомо невыгодной ситуации: либо периферийность, независимо от реального вклада в науку, либо интеграция в ту иерархию, которая в мировой науке сложилась, причём на правах выходца из трансграничной зоны. На область науки, как, кстати говоря, и на другие области жизни, проецируется структура современного мира, которую представил в своих работах И. Уоллерстайн: центральная область, полупериферия и периферия [3]. Российская фундаментальная наука, если учесть её современный уровень финансирования, находится во второй категории,

благодаря тому, что, как справедливо отметил В. В. Богатов, наследует традиции большой советской науки и её несомненные достижения.

Доминирование английского языка становится в определённых обстоятельствах ещё одним препятствием, затрудняющим для российских учёных возможность иметь высокий h-index. В статьях, которые переводятся на английский язык, имена и фамилии российских авторов переводятся по-разному и, соответственно, приписываются разным людям. Даже два варианта написания одного имени могут в худшем случае сократить количество цитирований наполовину, а приведение данной информации к единому образцу требует внимания и некоторых усилий. В этом же ряду сложности, вытекающие из того факта, что статьи, которые подготовлены не одним, а несколькими авторами, фиксируются в индексе по первой фамилии. И это тоже исправимо, но и здесь необходимы усилия, а также особое внимание исследователя к своему списку. В этом случае возможны некоторые потери, которые могут быть, разумеется, восполнены кропотливой работой, но, как показывает практика, не все российские исследователи мониторят свой послужной список, регулярно отслеживая ссылки и публикации.

Одним из вариантов выхода из сложившейся ситуации могло бы стать создание собственных англоязычных рецензируемых изданий, входящих во все существующие системы индексирования. Это помогло бы российским учёным сделать результаты своей работы достоянием мировой науки, публиковать статьи более оперативно, столбя таким образом за собой научные открытия и изобретения. Однако регуляторы российской науки – государство и его ведомства – решили идти по другому пути. Российским исследователям предлагается наращивать показатели цитирования за счёт размещения публикаций в западных изданиях, то есть конкурировать за место в сложившейся иерархии, имея в разы меньшее финансирование и меньший уровень институциональной поддержки. Колониальный характер подобной политики очевиден; она возможна и оправдана в тех случаях, когда в стране нет большой науки и на роль ведущей научной державы страна не претендует, но она неприемлема в том случае, если речь идёт о российской науке, имевшей в прошлом выдающиеся достижения, собственных нобелевских лауреатов и классиков, почитаемых во всём мире.

Особенно остро проблема фиксации результатов с ориентацией на h-index стоит перед учёными-гуманитариями. Важно понимать, что в большинстве случаев они в «Республике WoS» неграждане. Дело в том, что и предмет их исследования, и объект в большинстве случаев специфичны, привязаны к национальной почве. Гуманитарии и учёные-обществоведы говорят, хотя это и не всегда признаётся в полной мере, оперируют локальными эпистемами и повёрнуты к той ситуации, которая сложилась в том обществе, в котором они сами живут. Исследования, которые они проводят, статьи, которые они пишут, в большинстве случаев малоинтересны для исследователей в других странах. По определению науки о культуре, в отличие от наук естественных, занимающихся природными явлениями, сфокусированы на событиях, явлениях и тенденциях, свойственных конкретному обществу в его современном состоянии или исторической перспективе. Эта специфичность культуры не

устраняет того общего начала, которое присуще любой науке и которое заключено в логике подходов и общепринятых методах. Речь идёт о разном соотношении общего и частного, глобального и локального, универсального и специфического в разных научных дисциплинах. Сравнительная методология, которую в своих «Правилах» предлагал использовать Эмиль Дюркгейм, смягчая тем самым невозможность в общественных науках прямого экспериментирования, лишь подчёркивает значимость междисциплинарных различий [4]. Подытоживая, можно сказать, что индекс Хирша имеет серьёзные ограничения, которые не позволяют ему быть универсальным мерилем научной продуктивности. Попытки возвести его в ранг подобного инструмента лишь сужают возможности развития науки и её воспроизводства.

Не меньше проблем имеет и второй критерий, активно используемый в процедурах вертикального рецензирования. Главным критерием оценивания является, как говорилось выше, количество публикаций в журналах, входящих в международные базы данных. Наиболее острый вопрос, который напрашивается, когда обсуждается данный критерий, мог бы звучать следующим образом: каков верхний предел количества публикаций, после которого начинаются повторы или откровенно бессмысленные тексты. Можно предположить, что действительно содержательных публикаций, излагающих новые мысли и новые результаты исследования, может быть не более двух в течение года. Необходимо понимать, что публикация – это лишь верхушка «айсберга», в нижней, «подводной» части которого – экспериментальное исследование или большая кропотливая работа по освоению литературы, посвящённой проблеме. Учёный, проведший исследование, естественно, стремится придать результаты своей работы гласности, получить признание коллег и повысить свой авторитет в научном сообществе. Однако, если ставить перед ним задачу публиковать как можно больше статей, привязав их количество к уровню финансирования проекта и заработной плате, то естественные приоритеты подменяются бюрократическими. Для того чтобы соответствовать критерию постоянного роста числа публикаций, учёные, представляющие естественные науки, стали дробить уже готовые материалы на несколько частей в сериальной логике «продолжение следует». Но даже более пагубно отразился критерий числа публикаций на сообществе учёных-гуманитариев. Количество публикаций умножалось, но оригинальных, действительно значимых публикаций больше не становилось.

Надо ли говорить, что подобный уровень «публикационной инфляции» разрушительно сказывался на моральном климате в сообществе учёных. Многие из них, и даже молодые исследователи, схватывали суть происходящего и в сложившихся обстоятельствах видели смысл своей деятельности прежде всего в том, чтобы элементарно выжить в публикационной гонке. Эти приводящие смыслы не только влияли на отношение учёных к закреплённым в традиции правилам добросовестной науки, но и побуждали к «закрытию» самого процесса научной рефлексии, снижали актуальность сюжетов, не приносящих очевидных публикационных дивидендов. В результате в науке стало меньше рефлексивности, включая критическое рассмотрение методологических основ проводимых исследований. Бралось то, что

очевидно, то, что может быть полезным, а остальное либо откладывалось, либо вовсе отодвигалось в сторону как маловажное. Американские учёные обратили внимание на то, что молодые исследователи-генетики склонны к тому, чтобы готовить научные работы и публикации по тем фрагментам генома, которые и так неплохо описаны: меньше рисков и больше возможностей того, что публикации будут приняты в авторитетных изданиях. И притом, что действительно научный интерес заключался в том, чтобы изучать то, что не изведено, то, что пока не имеет чёткого описания.

Зацикленность на количестве публикаций расходится с тем многообразием форм деятельности, в которую включён современный учёный. Неясно, почему в существующей системе оценок отсутствует, к примеру, рецензирование тех же самых статей. Работа, которую выполняют ведущие учёные для того, чтобы держать уровень журнальных публикаций на высоком уровне, имеет для науки огромное значение, но, как правило, делается эта работа на общественных началах и никак не учитывается в наукометрических показателях. В наукометрических показателях отсутствуют и другие важные виды научной деятельности, значимые для науки и важные для научного сообщества и общества в целом. Не учитываются участие учёного в подготовке исследования, его вклад в подготовку и проведение лабораторного эксперимента. Нет в системе наукометрических показателей и консультационной деятельности в разных её формах. Не учтена в формальных показателях и работа учёных по популяризации науки, по просвещению общества и прежде всего учащейся молодёжи. Неслучайно Национальный научный фонд США, признав недостаточность одного лишь показателя количества публикаций, пришёл к необходимости учитывать всю совокупность результатов научной деятельности. Отныне в заявках на гранты учёным, претендующим на руководство проектами, предлагается назвать не количество публикаций, а основные «продукты» его научной работы. Тем самым признаётся, что «ценность учёного заключается не только в публикациях, данные, программные продукты, другие нетрадиционные продукты научной деятельности отныне тоже учитываются» [5, с. 159]. Профессор Х. Пивовар, комментирующий смену метрических ориентиров фонда, пишет: «Политика ННФ меняется как раз в то время, когда 1 из 40 активно присутствует в Твиттере, более 2 миллионов учёных пользуются сетевым продуктом Менделей, помогающим обмену полезными ссылками, в течение года опубликованы 25 тысяч блогов, индексируемых в системе Research Blogging Platform, помогающей оценить значимость научных публикаций. Я убеждён, что в течение следующих пяти лет обычной практикой станет отслеживание и оценка онлайн-исследовательских дневников, вклад в разработку софтверных продуктов, заметки, регистрирующие опыт использования данных, находящихся в общем доступе, с помощью сайтов по обмену содержанием, таких как Pininterest и Delicious. Иными словами, речь идёт об учёте массы новых наукометрических показателей, указывающих на то, что исследование оказало существенное влияние на имеющиеся научные представления» [5, с. 159].

В этой части рассуждений о рецензировании можно было бы порассуждать и на такую тему, как особые условия, в которые поставлены учёные-гумани-

тарии, занимающиеся «почвой», – национальной историей, культурой или обществом. Как показала практика, в западных изданиях, большинство из которых «национальны», ориентированы на собственные страны и собственные культуры, материалы, присланные из других стран, рассматриваются как периферийные, не имеющие высокого уровня актуальности. Иногда, как, например, в том, что касается политологической науки, имели место случаи откровенного цензурирования по идеологическим причинам. Если политолог не занимал критической позиции по отношению к текущей российской политике, то его публикацию отвергали или откладывали «в долгий ящик». При этом западные издания не раскрывают, разумеется, во избежание скандалов, истинные причины, по которым публикация была отвергнута. Сошлутся на критические рецензии, не вдаваясь в пространные объяснения.

Вторая проблема, с которой сталкиваются гуманитарии, пытающиеся размещать свои материалы в западных изданиях, – это сроки ожидания, которые могут длиться от одного года до нескольких лет. Между тем, чиновники, представляющие регулятор, требуют отчитываться о публикационной активности ежегодно, а иногда и чаще. Выход из положения некоторые находят в том, что ищут издания, готовые печатать статьи за деньги, что сокращает период подготовки издания и редуцирует до минимума процесс рецензирования статей. При этом многие из подобных изданий, благодаря аффилиации с более крупными и уважаемыми изданиями или иным способом, обзавелись регистрацией в существующих международных базах данных и вполне легально торгуют своими площадями. По большому счёту речь идёт о «мусорных» изданиях, статьи в которых не имеют оригинального содержания (уважающему себя учёному, как правило, не по душе подобная бесславная судьба выстраданной публикации), не становятся событиями в научном мире и не прочитываются в профессиональном сообществе. Единственное назначение подобных публикаций заключается в том, чтобы создать видимость выполнения требования чиновников публиковаться больше и желательнее в зарубежных изданиях.

Немалых усилий потребовалось для того, чтобы чиновники, поощряющие публикации в западных изданиях, признали, наконец, что помимо статей учёные публикуют и монографии, и что этот научный результат может во многих случаях быть даже более значимым для научного сообщества, чем проходная статья в журнале.

Одно из новшеств, которое введено в оборот вышестоящими инстанциями – регуляторами науки, – оценка результативности научных организаций. В этом случае оценивается не эффективность отдельного учёного или даже одного, отдельно взятого подразделения, а организации в целом. По результатам оценки организации присваивается категория. Высшая категория, наиболее благополучная, получает полноценное государственное финансирование. Вторая категория (Б) имеет сокращённое финансирование, ей предлагается либо улучшить показатели научной деятельности, либо отыскать иные источники доходов. И, наконец, третья категория (В) попадает в ситуацию, когда большую часть бюджета ей приходится пополнять самостоятельно. Для многих научных учреждений, занимающихся фундаментальной проблемати-

кой, такое положение означает едва ли не приговор. Опыт последних лет показывает, что регулятор допускает рекатегоризацию крайне неохотно, и даже если институты существенно улучшают свои научные показатели, повысить уже полученную категорию крайне сложно. По сути, после нескольких лет балансирования такие учреждения могут либо закрыться, либо изменить аффилиацию или статус. Можно спекулировать, какой выход из положения они выберут, но одно очевидно: в сложившейся ситуации сокращение численности учёных в России продолжится, причём по мере реализации программы реформирования российской науки будет идти более быстрыми темпами, чем прежде.

В той ситуации, когда от рецензий зависит ранг научного учреждения, два фактора выходят на первый план как решающие – инструмент оценки, заложенные в нём показатели и качество специалистов, которые с этим инструментом работают. В любом инструменте рецензирования, как это уже было показано в начале статьи, используется определённый набор показателей, из которых затем по определённым алгоритмам формируются индексы.

В прикладной социологии проблематика показателей и индексов обсуждается едва ли не с момента её зарождения. Любое явление, с которым сталкивается наука, а в более широком контексте и любое рациональное мышление опознаётся и познаётся посредством совокупности признаков. Всё многообразие признаков, которое характеризует объект, именуется признаковым пространством. Надо ли говорить о том, что в отношении почти любого сложного объекта подобное пространство бесконечно велико. Исследователь, а в рассматриваемом случае рецензирующая инстанция должны отобрать из этого пространства ключевые признаки или, по выражению Поля Лазарсфельда, «измерения» [6, с. 9]. В этом отборе почти всегда или откровенно, или латентно присутствует воля оценивающего, его несомненный интерес. Именно этот интерес формирует представления о том, какие признаки основные, а какие – второстепенные, какие включать в инструмент оценки, а какие отодвинуть на задний план. В настоящее время научные учреждения оцениваются по сумме характеристик, включающих в себя численность учёных, участие в международной научной деятельности, количество иностранных аспирантов и защищаемых диссертаций, число публикаций в индексируемых системах научного цитирования. Вопрос даже не в том, в какой степени названные показатели отражают действительную степень результативности научного учреждения. Важно то, как они интегрируются, какие алгоритмы используются для расчёта индекса и какие пороговые значения определяют переход учреждения из одной категории в другую. Предположительно, предложенные критерии побуждают к тому, чтобы отдавать предпочтение крупным научным центрам с высокой численностью учёных, а также учреждениям, развивающим высокую публикационную активность. И то, и другое, безусловно, важные характеристики, но остаются сомнения: всегда ли максимальная численность персонала может быть плюсом в оценке результативности учреждения. И может ли в этой ситуации относительно небольшой институт претендовать на высокую категорию? Со всей очевидностью, это будет затруднительно, по крайней мере, если данная структура станет претендовать на государственное финансирование.

В особый пункт оценки вынесена численность иностранных аспирантов, но при этом отсутствует такой показатель, как численность собственных, российских аспирантов, который исключительно важен для воспроизводства науки. В настоящее время в ряду неудачных, провальных реформ в сфере регулирования научной деятельности находится и реформа аспирантуры. Непродуманная идея превращения аспирантуры в ещё одну ступень образования (четвёртую по счёту) привела к тому, что число аспирантов резко сократилось, а те, кто всё-таки приходит в аспирантуру, в большинстве своём ограничивают свои амбиции документом о её окончании. До защиты диссертации большинство из них не доходит. Справедливости ради, следует сказать, что даже те, кто защитился, как правило, не задерживаются в науке, а уходят в те сферы деятельности, где заработные платы выше, а проблем и вызовов меньше.

Результативность научного учреждения в сфере воспроизводства могла бы быть измерена числом защитившихся аспирантов и долей тех из них, кто остался в науке или перешёл на работу в высшее учебное заведение. Однако, очевидно, что при всех благих намерениях научные учреждения или вузы имеют ограниченные возможности влиять на приток молодых кадров. Уровень заработных плат в науке таков, что большинство квалифицированных кадров предпочитает искать иную сферу деятельности или, если позволяет дисциплина и уровень подготовки, эмигрирует в те страны, где, работая учёным, не приходится нуждаться.

Результативность научных структур измеряется, кроме того, и численностью, а также масштабом международных научных мероприятий, которые они проводят. Но в области международного сотрудничества имеются «подводные камни», которые эти учреждения должны принимать во внимание. Неясно, какие из контактов могут в дальнейшем рассматриваться государственными органами как нарушающие режим секретности или угрожающие национальной безопасности. Ясно, что, расширяя подобные контакты, заявляя их в качестве преимущества, научные учреждения должны быть крайне осторожными: любое обвинение в разглашении конфиденциальной информации в текущих обстоятельствах может серьёзно сказаться как на репутации научного учреждения, так и на уровне его государственного финансирования. Это соображение относится не только к естественно-научным учреждениям, но и, как показывает практика, к учреждениям гуманитарного профиля.

ГОРИЗОНТАЛЬНОЕ РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

Альтернативой «вертикальному» рецензированию является горизонтальное, репутационное рецензирование книг и монографий, подчиняющееся прежде всего правилам, устанавливаемым самими учёными. Преимущества подобного подхода очевидны. Во-первых, речь идёт об оценках, которые даются теми, кто равен авторам по уровню квалификации, то есть теми, кого

по-английски именуют “peers”. Во-вторых, становится возможным не просто рецензирование, но и просвещённое обсуждение статей или иных работ с выявлением имеющихся в них недостатков, за которыми, как правило, следует фаза их исправления. Иными словами, рецензирование – это в рамках научного сообщества не просто приговор, а конструктивное совершенствование, повышающее квалификацию автора. В-третьих, процесс горизонтального рецензирования не только фильтрует научные труды, отделяя «зёрна от плевел», но и воспроизводит этические основания научной деятельности, подтверждает те принципы, которыми руководствуется наука, определяя качество предоставляемого научного материала. Важно, что это происходит не в одностороннем порядке, а интерсубъективно, в рамках постоянного подтверждения этих правил через утверждение существующих. Все эти соображения позволяют утверждать, что горизонтальное рецензирование должно считаться основной процедурой, а все остальные, включая вертикальное, бюрократическое рецензирование, – вторичными.

Горизонтальное рецензирование могло бы стать действительно основной линией развития процесса как во многих развитых странах, если бы не ряд проблем социального или культурного характера, которые его осложняют. В разных культурах и их разных специализированных областях характер и эффективность деятельности определяются системой формальных и неформальных норм, вместе составляющих её институциональную основу. В специализированной сфере, каковой является наука, формальные нормы эффективны, если они а) имеют логическое обоснование, то есть эксплицитны и понятны всем участникам процесса, и б) укоренены в существующих практиках, то есть исторически обоснованы. По утверждениям А. Олейника, в наиболее развитых странах наука – это, как правило, «Республика писем», то есть область формализованных, строгих по содержанию процедур [7, с. 69]. «Республика писем» возникла в самые ранние годы становления науки как альтернатива неэксплицированной, волюнтаристской позиции власти и в равной степени – установившимся канонам в церковных иерархиях. У истоков «Республики» стояли сторонники универсализма науки и проверяемости экспериментальных данных, видные учёные Великобритании и Франции, включая Исаака Ньютона. Принципы «Республики писем» нашли наиболее полное воплощение в идее научного журнала, в котором публиковались статьи, представляющие результаты экспериментальной деятельности. Учёные, читатели журналов могли, ознакомившись с результатами научных исследований, сделать их предметом критики. Научной любая истина становилась только в том случае, если проходила через горнило критики коллегами, занимавшимися схожей проблематикой и имевшими собственную точку зрения на публикуемые результаты. Таким образом, научные журналы становились важнейшим элементом института науки, воспроизводящим её институциональные основы и обеспечивающим циркуляцию научной информации в сообществе учёных. Если бы не возникла и не воспроизводила себя в науке «Республика писем», то вряд ли получили бы развитие концепции научной истины как фальсифицируемого знания (К. Поппер).

В России институт науки возник позже и развивался медленнее, чем в странах Европы. Во второй половине XIX века в России с существенным запаздыванием возникли сообщества учёных, связанных с крупными университетами, и ряд изданий, в которых находили отражение достижения естественных наук (например, «Военно-медицинский вестник», «Научное обозрение», «Природа», «Природа и жизнь»). Необходимо признать, что, несмотря на динамичное развитие российской науки, «Республика писем» в той форме, в которой она уже существовала в развитых странах, находилась в России в XIX веке в зачаточном состоянии. По-настоящему в динамичный этап развития наука вошла уже в советское время, благодаря реализуемому проекту всеобщего просвещения, становлению развитой системы образования, включая высшее её звено, и развитию производств, прежде всего оборонных, испытывавших нужду в новых технологиях. В советском обществе поощрялся централизм во всех его проявлениях и это не могло не сказаться на тех формах, в которых осуществлялось управление научной деятельностью. Вместо «Республики писем», создавшей и закрепившей формальные правила объективной оценки научных достижений, в Советском Союзе возникла система науки с высоким уровнем централизации и личной ответственности руководителей реализуемых проектов. Решениям, которые принимались научным руководителем, предшествовала фаза активного обсуждения, иногда нелицеприятного, цель которого состояла и в том, чтобы предотвращать принятие ошибочных решений, выявлять наиболее перспективные направления научных проектов и наиболее продвинутых исполнителей. Можно спорить о том, насколько эффективной была подобная система, насколько способной она была вести проекты на «неизведанных» научных территориях. При всех нареканиях в её адрес необходимо признать, что в ряде ключевых направлений она способствовала получению быстрых результатов и формированию в российском обществе научной элиты. Известный американский социолог Алекс Инкелес считал, что в статусной системе, возникшей в российском обществе, видные, остепенённые учёные находились на второй ступени, уступая только высшим слоям партийной и государственной номенклатуры [8, с. 516].

Общее устройство науки не могло не сказаться на том, как формировался портфель заказов советских научных изданий и пул публикаций в научных издательствах. Модель принятия решений была в этих случаях примерно такой же, как и в науке в целом: вся ответственность за публикации в журнале лежала на главном редакторе и его заместителях, но при этом предложенные публикации становились предметом обсуждения на редколлегиях, которые и определяли, насколько качественной, «научной» являлась та или иная статья. Подобная система имела как очевидные преимущества, так и серьёзные изъяны. Редакторы научных изданий, как правило, видные учёные, дорожившие своей репутацией в научном сообществе, были заинтересованы в том, чтобы научные публикации освещали действительно значимые достижения в науке. К недостаткам системы можно отнести то, что она естественным образом тяготела к тому, чтобы при выборе публикаций отдавать предпочтение «проверенным» учёным с именем, обладающим не только репутацией,

но и формальными, статусными признаками, свидетельствующими о научном лидерстве. В подобных обстоятельствах молодые учёные имели немного возможностей для того, чтобы опубликовать статью в серьёзном издании, и, если у них было желание ускорить продвижение своих идей, они должны были привлекать в соавторы тех же самых учёных с именем. Вследствие этого количество публикаций, авторами которых числились остепенённые учёные, руководители научных учреждений и подразделений, могло вырасти до цифр, выходящих за пределы разумного и в принципе достижимого. В этой ситуации становилось непросто развести публикации, которые готовились действительно научным коллективом, и публикации, которые «проталкивал» в журналы статусный учёный только потому, что числился среди её авторов. По иронии судьбы некоторые российские учёные сегодня прибегают к той же самой тактике привлечения «локомотивов», но уже из числа западных коллег для того, чтобы «протолкнуть» свои публикации в индексируемые западные издания. Вторым недостатком системы являлось то, что она допускала возможность волевых, волюнтаристских решений главного редактора в тех случаях, когда он или она сталкивались с просьбами о размещении публикации, исходившими от коллег с именем, которые таким образом двигали в науку кого-то из ближнего круга, иногда родственников или друзей.

После того как советская наука прекратила своё существование, а на её место пришла наука российская, публикационные практики, бытовавшие в науке, подверглись острой критике. Возникли два тренда, противоречившие друг другу. Первый заключался в том, чтобы либерализовать издательское дело, позволить учёным свободно публиковаться не только в тех научных издательствах, которые функционировали в советскую эпоху, но и в любых серьёзных, частных издательствах. Подобная система позволяла любому учёному, независимо от его или её уровня, публиковать свои работы на коммерческой основе практически без всякого рецензирования. Второй тренд подразумевал постепенно нарастающее давление на научные издания с тем, чтобы они принимали западные стандарты рецензирования, как правило, двойного и анонимного. Впервые российские издания, которые стремились войти в число индексируемых в известных базах данных, должны были не только принять названные принципы, выработанные «Республикой писем», но и доказать то, что они придерживаются универсальных стандартов, принятых в наиболее развитых с научной точки зрения странах. Такие практики давали изданиям действительно серьёзные преимущества и, безусловно, способствовали повышению качества научных публикаций. Однако широкое применение новых для российских изданий методов рецензирования сразу же выявило ряд недостатков, связанных с «пересадкой» новых правил на российскую почву, иногда не подготовленную, а иногда просто «обезвоженную» систематическим недофинансированием науки и её в целом неблагоприятным состоянием. Остановимся на некоторых из этих недостатков более подробно.

1. В постсоветский период на российскую науку, как и на российское общество в целом, серьёзно влиял процесс дифференциации, прежде всего

региональной. Как в России в целом есть регионы-доноры, успешные, развивающиеся, и регионы дефицитные, так и наука в период недофинансирования «усыхала» по всей России, но прежде всего в регионах. Исследователи в регионах, оказавшиеся в ситуации, когда продолжать исследования было затруднительно, а заработные платы упали ниже планки выживания, вынуждены были делать трудный выбор – либо уходить из науки, либо искать новое место приложения сил. В результате в регионах оказалось меньше учёных, которые могли делать квалифицированные рецензии на научные публикации, и ниже уровень требований к ним, уже просто потому, что компактные научные сообщества спаяны неформальными отношениями, когда анонимное рецензирование либо затруднительно, либо невозможно. У исследователей в регионах возникали серьёзные проблемы в тех случаях, когда они пытались разместить свои публикации в столичных изданиях, – у гуманитариев в большей степени, у «естественников» в меньшей. Речь идёт об ограничениях структурного плана, связанных с объективными обстоятельствами, в которые были поставлены те, кто выбирал научную стезю в разных условиях.

2. На процессе рецензирования серьёзно отразилось не только общее сокращение численности учёных, но и свёртывание исследований в отдельных дисциплинах и направлениях. Неудачные, разрушительные реформы российской науки привели к тому, что сократилась численность учёных высокой квалификаций (кандидатов и докторов наук), формирующих корпус рецензентов для наиболее влиятельных российских научных изданий, индексированных в системах Scopus и Web of Science. Сократилось не только число потенциальных рецензентов, но и общее число специалистов, ведущих исследования по отдельным направлениям. Как правило, эти специалисты не только знакомы в личном плане, но и осведомлены о достижениях коллег в тех темах, которыми они занимаются. Возникла специфическая ситуация, в которой под вопросом оказалась сама возможность анонимного рецензирования. В конце концов, любой исследователь, знакомый с работой коллег, может с лёгкостью определить, кто на самом деле является автором публикуемого материала, а остальное будет зависеть от принципиальности рецензента и, что тоже случается, его личных отношений с автором публикации. Необходимо подчеркнуть, что проблема утраченной анонимности не имеет пока широкого распространения, но по мере того, как масштабы научной деятельности сокращаются, она становится всё острее.

Механизмы взаимозависимости, которые возникают в тех случаях, когда индивид вступает во взаимодействие с сообществом или обществом в целом, могут быть охарактеризованы как установление устойчивых обменных трансакций, имеющих либо позитивные, либо негативные последствия для участников. Предположим, что учёный следует правилам объективного рецензирования и оценивает работу некоторых коллег отрицательно. Тем самым он воспроизводит важные принципы научной деятельности, но при этом сталкивается с риском испортить отношения с коллегами и, в полном соответствии с теорией Хоманса, накапливает потенциал негативных реакций на его собственную работу, его собственные публикации [9]. Если же

он, стремясь к установлению позитивных отношений с коллегами, даёт положительные отзывы на статьи или монографии, не имеющие необходимого качества, то тем самым способствует снижению в том сообществе, к которому принадлежит, стандартов научной состоятельности. В этой ситуации наилучшим выходом из положения может быть рецензия, которая имеет положительное звучание, даёт публикации «зелёный свет», но при этом подмечает в ней некоторые недостатки, которые авторы могут с лёгкостью исправить.

Если приглядеться, то в большинстве случаев в компактных сообществах рецензии пишутся именно по изложенным выше правилам позитивного реагирования. Таких принципов придерживаются, как правило, и официальные оппоненты защищаемых диссертаций, а также те, кто пишет отзывы на авторефераты. Было бы неверно оценивать подобные устойчивые практики только как негативные, как ведущие к частичной фальсификации процесса рецензирования. Редакции журналов или научные фонды имеют приоритет в том, что касается выбора рецензентов, и во многом именно от них зависит, какие публикации проходят по критерию качества, а какие – нет. Рецензенты действительно важны, но в сложившихся обстоятельствах, в российской «Республике писем» они лишь вторая по значимости оценивающая инстанция, а первой остаётся, как и прежде, редакция издания. Речь идёт о возникшем на отечественной почве гибридном варианте «Республики писем», когда двойное рецензирование вводится, но модерируется традиционными для российских изданий формами отбора. Как правило, именно так происходит с большинством «пересаживаемых» на национальную почву институтов, они претерпевают существенные изменения под влиянием сложившихся в культуре паттернов и социальных отношений.

Вопрос, на который пока нет адекватного ответа, может быть сформулирован следующим образом: в каком направлении будут развиваться практики рецензирования? Если бюрократическое давление на научные сообщества продолжится, если финансирование науки останется на прежнем, скромном по мировым стандартам уровне, то возможна дальнейшая эволюция не только издательского дела, но и самой науки в сторону ритуализации. Внешнее принуждение, опирающееся на формальные показатели, провоцирует формализацию реакций на него. Если в критериях министерства на первом плане находится количество публикаций, то не должно быть сомнений: большинство учёных будут ему соответствовать. Вопрос в том, в какой степени выиграет от этого наука в целом и выиграет ли вообще? Или обе стороны придут к негласному пониманию того, что главное – именно соответствие формальному показателю, а остальное, то есть реальная наука, её качество останется в числе неформальных критериев, которые если и будут выдвигаться, то прежде всего активной, заинтересованной частью научного сообщества для внутреннего пользования.

Ещё одна опасность текущих тенденций заключается в том, что в научном сообществе воспроизведёт и утвердит себя советская модель двойного оценивания. Учёные поделятся, как это часто случалось в советское время, на тех, кто руководит, обеспечивает показатели и благодаря этому получает

высокий статус в отстраиваемой государством иерархии управления, и тех, кто делает науку, кто имеет признание в научном сообществе. Надо сказать, что в советское время отношения между двумя этими «воображаемыми» сообществами складывались непросто: чиновники от науки испытывали недоверие и часто неприятие тех, кто демонстрировал настоящие научные достижения, но вынуждены были мириться с их присутствием в сообществе потому, что именно они обеспечивали научный процесс. Креативное сообщество нередко отказывало, причём, бывало, что и незаслуженно, управленцам от науки в реальных научных заслугах. Как избежать возвращения к этой ситуации – это, по-видимому, тема специального исследования, но ясно одно: создание и воспроизводство в российской науке «Республики писем» могло бы стать одним из способов смягчения и этого возможного противоречия.

3. Необходимо учесть, что рецензирование в его современных формах находится в латентном противоречии с процессом централизации и бюрократизации науки. Это касается в том числе и работы научных фондов. В современной России число таких фондов сокращается, в настоящее время остался только один крупный научный фонд – грантооператор, а именно Российский научный фонд. В подобных обстоятельствах возрастает «цена» рецензии, но и одновременно – значение управленческих решений о распределении финансирования, которые принимаются руководством Фонда. За последние два года резко сократилось число грантов РНФ, выделяемых гуманитарным дисциплинам. Это означает, что большинство учёных-гуманитариев смогут работать только в рамках тех средств, которые выделяются министерством на выполнение государственных заданий. Такое положение лишь усиливает значимость «вертикального рецензирования». То, что к рецензированию в подобных случаях привлекаются другие научные или образовательные учреждения, никого не должно вводить в заблуждение. Все заинтересованные стороны отлично понимают правила игры, а также ставки, которые «стоят на кону», и соблюдают принципы «взаимной доброжелательности».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной публикации представлены далеко не все проблемы, связанные с рецензированием в современной российской науке. Таких проблем больше, и каждая из них заслуживает подробного обсуждения, для каждой из них должны быть установлены не только причины, но и возможные последствия. На наш взгляд, наиболее острой проблемой современной российской науки, как, надо сказать, и российского общества в целом, является проблема воспроизводства, притока молодёжи, способной вести научные исследования, продолжить те блестящие традиции, которые были заложены предшествующими поколениями учёных. Российские учёные всегда были не только наиболее просвещённой частью российского общества, но и сообществом,

в котором развивались идеи просвещения, идеи гражданства и индивидуальной ответственности. Становлению этой особой этики способствовал сам научный процесс, изначально ориентированный на открытие, «расколдовывание» мира, понимание глубоких процессов, приводящих к изменениям в природной среде и обществе. Важно было и то, что во все времена, даже в самые «тёмные», российские учёные были и ощущали себя значимой частью мировой науки. Этические основания научной деятельности должны быть сохранены и в будущих поколениях российских учёных, только в этом случае наука не только выживет, но и будет успешно развиваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lazarsfeld P. F.* What is obvious? // *Pleasures of Sociology*. New York : Signet, 1980. P. 1–5
2. *Богатов В. В.* Можно ли доверять Science Citation Index? // *Вестник ДВО РАН*. 2006. № 6. С. 149–159.
3. *Wallerstein I.* *The Modern World System*. Vol. 1–3. New York : Academic Press, 1974.
4. *Дюркгейм Э.* Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1995. 352 с.
5. *Piwowar H.* Value All Research Products // *Nature*. 2013. January. Vol. 493. P. 159.
6. *The Language of Social Research. A Reader in the Methodology of Social Research* / Ed. by P. F. Lazarsfeld, M. Rosenberg. Glencoe : The Free Press, 1955. 590 p.
7. *Олейник А.* Научные трансакции. Сети и иерархии в общественных науках. М. : Инфра-М, 2019. 300 с.
8. *Inkeles A.* Social Stratification and Mobility in the Soviet Union // *Class, Status and Power. Social Stratification in Comparative Perspective* / Ed. by R. Bendix and S. Lipset. New York : The Free Press, 1966. P. 516–527.
9. *Homans G. C.* *Social Behavior: Its Elementary Forms*. New York : Harcourt, Brace and World, 1961. 404 p.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022.

Одобрена после рецензирования 04.03.2022. Принята к публикации 10.03.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Черныш Михаил Федорович *chernysh@fnisc.ru*

Член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия

AuthorID РИНЦ: 235258

ORCID ID: 0000-0002-8169-0933

Scopus Author ID: 55954329200

Web of Science ResearcherID: B-5133-2016

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.1.1

PEER REVIEWING IN CONTEMPORARY RUSSIAN SCIENCE

Mikhail F. Chernysh¹

¹Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russia

Abstract. The article tackles problems related to evaluation of research in contemporary Russian. Two types of evaluation are under review – a vertical one and a horizontal one. The first type is effected by higher management of science including state regulatory bodies. The second type is implemented by scientists themselves. New practices of evaluation that had been used in Russia prior to the reforms are now being transformed by the demands of the state to abide by evaluation norms adopted in developed countries. The merger of two types – vertical and horizontal gives birth to specific types of regulation and self-regulation. These new types are affected by the state in which Russian science finds itself, by the practices of its reproduction and limits posed by inadequate financing.

Keywords: vertical evaluation, horizontal evaluation, state regulation, Hirsch index, indexing of scientific publications, Letter Republic

For citation: Chernysh M. F. (2022). Peer Reviewing in Contemporary Russian Science. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 4, no. 1. P. 18–39.

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.1.1

REFERENCES

1. Lazarsfeld, P. F. (1980). What is obvious? *Pleasures of Sociology*. New York: Signet. P. 1–5
2. Bogatov, V. V. (2006). Can we trust the Science Citation Index? *Bulletin of the Far Eastern Branch of the RAS*. No. 6. P. 149–159.
3. Wallerstein, I. (1974). *The Modern World System*. Vol. 1–3. New York: Academic Press.
4. Durkheim, E. (1995). *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Transl. from Fr. A. B. Gofman. Moscow: Kanon. 352 p.
5. Piwowar, H. (2013). Value All Research Products. *Nature*. January. Vol. 493. P. 159.
6. *The Language of Social Research. A Reader in the Methodology of Social Research* (1955). Ed. by P. F. Lazarsfeld, M. Rosenberg. Glencoe: The Free Press. 590 p.
7. Oleinik, A. (2019). *Scientific transactions. Networks and hierarchies in the social sciences* [Nauchnye transaktsii. Seti i ierarkhii v obshchestvennykh naukakh]. Moscow: Infra-M. 300 p.

8. Inkeles, A. (1966). Social Stratification, and Mobility in the Soviet Union. In: *Class, Status and Power. Social Stratification in Comparative Perspective*. Ed. by R. Bendix and S. Lipset. New York: The Free Press. P. 516–527.

9. Homans, G. C. (1961). *Social Behavior: Its Elementary Forms*. New York: Harcourt, Brace and World. 404 p.

The article was submitted on 10.02.2022.

Approved after reviewing 04.03.2022. Accepted for publication 10.03.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chernysh Mikhail *chernysh@fnisc.ru*

Doctor of Sociology, Corresponding member of the RAS, Director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russia

AuthorID RSCI: 235258

ORCID ID: 0000-0002-8169-0933

Scopus Author ID: 55954329200

Web of Science ResearcherID: B-5133-2016